

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЬЕВ.

" О Д И С С Е Я "

П О К Р А С Н О Й Р О С С И И . . .

Брошюра № II

Прямое продолжение брошюр :

ЛАВИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ
ДНИ НА КУБАНИ.

1920-й год.

* * *

Нью Йорк - 1964 г.

* * *

"О Д И С С Е Я"
П О К Р А Н О Й Р О С С И И . . .
/ брошюра № 11./

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. В Москве. Разныя картинки. . .
2. Генерал П е в н е в.
3. "С у б б о т н и к". . . .
4. В Костроме. В "чека". Ипатьевский монастырь.
Лагерь предварительнаго заключения.
5. В Костромской тюрьме.
6. "Кто не работает, тот не ест" . . .
7. Р у с с к и е л а п т и . . .
8. Наш староста тюрьмы и другие.
9. Неожиданное освобождение.
10. В Запасном полку. Его командир и офицеры.
11. В Костроме на воле.
12. "Старое видение" . . .
13. Мысли о Белом Крыме издалека. . .
14. На Врангелевский фронт . . . Кума генерала Врангеля..
15. Еще о генерале Морозове.
16. Вновь в Москве. Плачь Кубань о сынах своих. . . .
17. Десант на Кубань по описанию генерала Врангеля.
18. Еще одна встреча со своими. . . .
19. "Новая а н к е т а" . . . .
20. Наша жизнь в Москве.
21. "Субботник" воинской части. . .
22. Наши "на курсах" . . . Члены Кубанской Радн.

- * -

Цена брошюры 1 дол. Выписывать по адресу:
Mr. Th. Elyseev, 502 W, 177 St., Apt. 1 C
New York 33, N.Y.

* * *

"О Д И С С Е Я" ПО КРАСНОЙ РОССИИ. . . .

/прямое продолжение брошюры "Агония Кубанской Армии" и - "Лабинцы и последние дни на Кубани, 1920-й год"/.

В МОСКВЕ. РАЗНЫЕ КАРТИНКИ . . .

Проснулись и узнали - при нас нет никакого конвоя. Два наших товарных вагона стоят на задворках железно-дорожных путей. Кто хотел - свободно вошли в вокзал. За вокзалом небольшая площадь, войдя в которую с хорунжим Дробышевым - мы воткнулись в гущу толкучки-базара такого состояния его, словно сам Плюшкин Н.В. Гоголя из его произведения "Мертвые Души" - вынес на базар все свои спрятанные сокровища.

Наш вид в папахах привлек внимание группы подростков человек в десяти. Грязные, в одних рубашках и штанах, босиком, они окружили нас и предлагают что-то купить у них. Заинтересовавшись - любознательный Дробышев спрашивает:

"Да вы кто такие будете?"

"Безпризорные... што, аль не знаешь?" - слышим надтреснутым голосом отвечает передний, коротко остриженный, бойкий, с острым взглядом серых глаз. На нем широкая длинная рубашка, длинные штаны, кои он поддерживает одной рученкой, что бы они не спали вниз. Он хорошо упитан, широкоплечь. Говорит только он, а остальные молчат, окружив нас кольцом. Мы у него ничего не купили. Вдруг он командует:

"Ну - пошли ребята дальше!" и они, как воробьи, побежали в разные стороны. Мы с улыбкой посмотрели им вслед. Дробышев машинально вложил руку в карман своих английских бриджей и удивленно признает:

"Федор Иванович!.. да они вытащили у меня кошелек с деньгами!"

Такова была наша первая встреча с Москвой. В кошельке Дробышева было немного денег. Остальные он держал в боковом кармане гимнастерки. Что интересно, так это - Дробышев не пожалел украденных денег, а больше пришел в восторг от ловкости таких малышей. Как и послужил первым и хорошим уроком на будущее в нашей "одиссее по красной России": - быть всегда начеку.

К нашим вагонам пришло несколько дам, интеллигентных и довольно хорошо одетых. То были родственники некоторых офицеров штаба генерала Морозова. Что они говорили с ними, мы не знали, но три или четыре поручика, взяли свои вещи и беспрепятственно ушли от нас и не вернулись назад. Мы их не осудили.

У нашего кубанца генерала Орлова нашлись так-же роищи в Москве. Они уговорили его "заболеть"... Он ушел с ними, не вернулся и дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Арестован и отправлен в тюрьму начальником штаба Черкесской конной дивизии генерального штаба капитан /фамилию забыл/ за то, что будучи комендантом какого-то города - сдался белым.

Арестован и еще капитан, который будучи интендантом г. Козлова, во время рейда генерала Мамантова - ушел с казаками. Это нас опечалило. Они являлись государственными преступниками для красных и подлежали высшему наказанию, т.е. расстрелу.

От безделья - мы гуляли по ближайшим улицам от вокзала. Возвращаясь с войсковым старшиною И.И. Храмовым - видим на углу стоят несколько наших старших полковников и непринужденно разговаривают с каким то штатским. Он одет по цивильному, в ботинках, в шляпе, при галстукке, но без пиджака, т.к. было жарко.

У нас у многих уж развилось стадное чувство - увидев своего, подойти к нему и спросить - ну как? что слышно? К этому толкала нас тоска.

В данном случае, нас заинтересовало то, что говорят наши скромные замкнутые полковники и говорят "с ненашим" и штатским человеком в самой Москве. Подошли и остановились. У штатского лицо приятное. Рассказывает он и мягко улыбается. Летами он, пожалуй, сверстник нашим полковникам. Не обращая на нас внимания, он продолжал свой рассказ:

"Октябрьский переворот застал меня в Москве. Мы были с женою. Она, ведь москвичка. Власть призвала меня в красную армию, как артиллериста, в командном составе которой был большой недостаток. Но я "открутился", доказывая им свою старость... А вот генерал Певнев - не мог открутиться. Он тогда был так же в Москве. Офицеры генерального штаба все были мобилизованы безоговорочно для построения красной армии. И теперь он является начальником всей пограничной стражи Западного фронта".

Некоторые наши полковники были с ним на "ты", и из этого я заключил, что перед ними стоял наш Кубанский офицер-артиллерист. Распрос о генерале Певневе им был, видимо, неприятен, почему кто то, желая переменить разговор, спросил:

"Ну а как Толя?"

"Толя молодец... он теперь уж студент... и мы с матерью им очень довольны", ответил он, все так же мягко улыбаясь.

Считая неловким слушать разговор близких друзей - мы ушли. Заинтересовавшись этой личностью, я потом спросил С.С. Жукова - кто он?

"Наш артиллерист... войсковой старшина, вот, случайно застрявший в Москве", как всегда, спокойно ответил он. К сожалению - забыл его фамилию, как мелкий, но интересный штрих для Войсковой Истории.

Г Е Н Е Р А Л П Е В Н Е В.

Замечательная личность, незаурядная, неоцененная и затерянная для Войсковой Истории. Опишу, что точно знаю.

Перед войной 1914 года командир 1-го Линейного полка, который стоял в Киевском военном Округе. По отзывам офицеров - полк поставил блестяще во всех отношениях. Строг и умен. Отзывы о нем были только положительны, до восхищения вклякучительно.

На войну выступил генералом и командиром одной из бригад 2-й Кавказской казачьей дивизии генерала Абацьева, на Кавказском фронте. Абацкий, оставаясь начальником своей дивизии - был одновременно назначен и начальником Эриванского отряда, в которой входили - его дивизия, 2-я Кубанская пластунская бригада генерала И.Е. Гулыги и 66-я пехотная дивизия. Удар отряда - на Баязет с севера, из г. Игдыря. Наша же Отдельная Закаспийская казачья бригада - удар на Баязет с востока, из Персии. Начальствуя таким большим отрядом - Абацкий передал командование над своей дивизией генералу Певневу. Наша бригада и встретила с ним уж западнее Баязета.

Порывистый, решительный, жаждущий славы - он в авангарде дивизии артил-

лерийским огнем громит Диадинский перевал, берет его и занимает внизу и город Диадин. Всем полкам дивизии и нашей бригаде приказано переменным аллюром следовать за ним.

Незабываемо-красочная картина была тогда! Семь казачьих конных полков с тремя батареями, длинной лентой в колонне "по три", широкой рысью, лавиной двигалось на запад, в глубь Турции. Единственная дорога по Диадинской долине сплошь в каменьях, по первобытному. Все громыхало по каменьям, в особенности орудия и зарядные ящики, что еще более усиливало наш боевой порыв. Чувствовалось с уверенностью, что всю эту массу Казачьей конницы около 7.000 всадников - ничто и никто не остановит. Так вел эти полки молодецкой, генеральского штаба генерал-майор Певнев, природный Кубанский казак.

Офицеры 1-го Лабинского полка потом нам говорили, что Певнев был холост, в Тифлисе ждала его невеста и он жаждал боевой Славы. Возможно, что это было так, что только украшает его.

Развивая боевую операцию - части 2-й Кавказской казачьей дивизии перешли Клыч-Гядукский перевал и заняли городок Дутах, на правом берегу реки Евфрата. 3-й Волгский полк Терского Войска с двумя орудиями и двумя пулеметами был выдвинут дальше на юг, в глубокую разведку. Здесь их постигла сильная неудача. Полк быстро отступил, потеряв полностью три офицерских головных раз, езда по одному взводу каждый, потерял оба орудия и один пулемет. Скрипцы конных урядов до 5-ти тысяч человек отбросили полки на север, в Алашкерсткую долину. В неудаче обвинили порывистость Певнева. Он был спешно отозван в Тифлис, для допроса. Командир Волгского полка полковник Тускаев, командир артиллерийского взвода сотник С.И. Певнев и командир пулеметного взвода сотник Л. Артифексов - были отозваны в Игдырь, что около Эривани, в штаб нашего корпуса, так же для допроса. Всех не только что оправдали за неудачу, но Тускаев получил в командование второчередной полк своего Войска, что считалось повышением по службе; сотник Певнев награжден боевым "шейным" орденом, а сотник Артифексов - Орденом Св. Георгия Победносца 4-й степени. Все они ночевали в нашем полку проездом и от них мы имели точные сведения. Нам только была неизвестна судьба самого генерала Певнева. И только в июне 1916 года, он прибыл вновь на фронт, назначенный начальником штаба нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии, основой которой была наша же Закаспийская бригада.

Перед 2-й Леме-Хатунской операцией - Певнев осматривал наш 1-й Кавказский полк. Только месяц тому назад, в командование им вступил полковник Эльмурза Асламбекович Мистулов, прославленный герой еще с Русско-японской войны. Автор этих строк был тогда полковым адъютантом уж шесть месяцев и хорунжим в течении 3-х лет, т.е. был достаточно опытным офицером, имея пять боевых наград.

Полк куда-то проходил. Генерал Певнев, посмотреть полк, вышел один. Приказал Мистулову провести полк мимо него спешенным, в колонне по три. Он хотел осмотреть седлову, вьюк казаков и состояние лошадей неприкрытых поводьями и шенкелями всадников, а так - как они есть в действительности.

Что тогда меня удивило, даже "задело" - он говорил с нашим командиром фронтом начальника, словно он есть начальник дивизии, но не начальник штаба. И раньше, и потом - начальники штабов разговаривали с начальниками частей, как бы с равными себе. Певнев же взял иной тон. И я понял тогда, что он был властный человек, как и очень умный офицер высшего ранга.

Он стал правее проходящих, что бы видеть весь корпус каждой лошади. Мистулов, по всегдашней своей воинской корректности - стал правее его и на пол-шага назад. Правее Мистулова, в таком же положении и нему, как он к Певневу - стоял я, полковой адъютант. Мы оба в черкесах, Певнев же в ките и в фуражке. Он очень остро видел все, не останавливая ни кого. И не только что видел лошадей, как таковых, но он видел и казаков, ведущих их

"под-уздцы". И заметив какую-либо нерадивость в казаке - резко, строго выкрикивал:

"Выше голову лошади!... Сам смотри в мою сторону?... Не отставай в положенной дистанции!... Чего согнулся?!"... и пр.

Полковник Мистулов стоял и молчал и мне думалось, что этот "цук" генерала, ему не понравился.

После Мема-Хатунской и Эрзинджанской операций - нашу дивизию оттянули к самому Эрзеруму и полки расположились на стдых в очень широкой долине северо-западнее самой крепости.

Командир 1-го Армейского корпуса, генерал-от-кавалерии Петр Петрович Калитин, желая отблагодарить Кубанские полки за их боевую деятельность в этих операциях - пригласил всех начальников частей дивизии, до сотенных командиров включительно, прибыть к нему на банкет, в самый Эрзерум. Естественно - приглашен был и штаб нашей дивизии.

Стариннейшая крепость Эрзерум, вернее сам город, окружен высокою насыпной землей, на манер дамбы, выход из которого возможен через четверо ворот, как через туннель.

Так вот, на площадке, за городом, перед стеною у Сивасских /западных/ ворот-туннели, был накрыт стол, узкий длинный. Хор трубачей был от нашего полка. Особеннаго веселия не было, а это был простой офицерский походный обед, на котором командир корпуса хотел высказать свое мнение, и о бывшей боевой работе и о будущем.

Случилось так, что за столом, мое место было почти против, наискось на одного человека, места генерала Певнева, которого я рассматривал с удовольствием в такой непосредственной близости. Мне казалось, что он скучал, положив руки на стол, изредка играя пальцами. Темный шатен, мужчина лет под сорок - он был красив. Красив мужественно. В нем было что то барское, вернее, по-казацки - в нем был природный "пан". На что я обратил внимание, так это на его руки. Они были небольшие и женственные, холеные.

После обыкновенных речей генерала Калитина и нашего начальника дивизии генштаба генерал-лейтенанта Николаева /родом Орбургский казак/ встал Невнев. Старшие офицеры его, видимо, знали, почему взоры всех сосредоточились на нем. Он сказал о задачах Армии и о наших общих стремлениях к победе. Сказал умно, складно и произвел на всех отличное впечатление, как об умном и культурном человеке. Сказал, сел и опять, по моему, стал скучать. И мне казалось, что он скучал потому, что - кончался второй год войны и он не сделал, фактически, никакой себе карьеры. Видимо, катастрофа с 3-м Волгским полком за Дутахом в начале ноября 1914 года ему не прощена в высших штабах и его держали в тени. Так несчастный случай, "сло-мал" ему военную карьеру, что могло случиться с любым высшим начальником на любой войне. Это был отвратительный бюрократизм в Российской армии.

Вскорости, генерал Певнев оставил и нашу дивизию, куда то уехал, или вызвали его на другой военный пост - мы так и не узнали. И вот только теперь, и случайно, узнали, что он занимает крупный пост в красной России.

Трудно судить человека. Не оцененный в Императорской армии, оказавшийся на территории советской власти, мобилизованный ею как видный генерал генерального штаба - возможно, он искренне стал служить и под красным знаменем, понимая, что все это проходящее, власть меняется, а Россия, как государство, остается и ей он должен служить. Потом мы поняли, встречаясь с некоторыми людьми, эти доводы. Нам же, казакам, они совершенно не подходили. Казачество, как таковое, было разгромлено и упразднено. Как же после этого служить красной России?! Дальнейшая судьба генерала Певнева мне не известна. Молодой, активный, властный и культурный генерал - как бы он был полезен Кубанскому Войску в годы гражданской войны!

СУББОТНИК . . . .

Мы остаемся без конвоя. Да нам все равно - бежать никто не собирается. И куда бежать? Не в свою же станицу, где будешь сразу же арестован и, конечно, более жестоко наказан. Кроме того - у нас нет никаких личных документов - кто мы. Ни у кого нет и штатского одеяния. Мы все в папахах, в гимнастерках, почти все в американских бриджах, заправленных в сапоги. Внешне, да и по выправке, и по манерам, мы не только что "военные" на взгляд любого человека, но мы и офицеры на взгляд более наблюдательного. Куда же бежать "с таким видом"?... Куда?... и зачем?... И все мы, невольно, поддались той воле, которая прислала нас в Москву.

На третий день наши два вагона препроводили на какую-то пригородную станцию и остановили. На ней мы видим молодежь, разгружающих вагоны с дровами. Вид их не был рабочий. Многие парни были в старых форменных фуражках гимназистов, реалистов и студентов, а женская молодежь, одетая по городскому. Многие в перчатках. Все они очень неловко стужали поленья в сажень длины и в полторы четверти толщены. Но все были веселы, острили, смеялись, чем и привлекли наше внимание. Кто то из нас спросил - кто они и почему здесь работают?

"Субботник справляем?" весело ответило несколько голосов.

"А что такое субботник?" наивно спрашиваем их, слыша впервые это слово.

"Да субботник!... разве Вы не знаете, что по субботам, после обеда, все граждане должны бесплатно работать для государства?... А Вы-то кто?" - спрашивают, слыша наши нелепые вопросы, по их понятию. Мы сказали - кто мы. Все моментально бросили работу, окружили нас и стали спрашивать о житье-бытье на сытом юге, о Белой армии, почему постигла нас неудача и прочее. Распрашивали так, словно мы прибыли из другого государства. И такое было сочувствие, соболезнование нам и скрытая недоговоренная боязнь за нашу судьбу...

"Да ведь сегодня не суббота, а Воскресенье?" говорим мы им. "Почему же Вы называете сегодня "субботник"?"

"А-а!... Вы еще не знаете советскую власть!" отвечают они. "Вот прибыли вагоны с дровами, власть и устроила очередной "субботник" для интеллигенции. И только для интеллигенции... рабочих они не посылают".

"Так чего же Вы выходите на работу?... Ну и забастовали бы!" вновь наивно кто то из нас поучает их.

"Да, попробуйте... сразу-же лишитесь пайка", отвечают они. И потом мы познали, как красная власть взяла полностью контроль над желудком и над душой всех жителей необъятной России.

- . -

Вечерело. Эта дивная русская молодежь, все учащиеся, весело, но мало работавшие положенные полдня - так же весело, в товарных вагонах, двинулась домой, в Москву. Нам стало скучно. К тому же голодно. Резанный запас продовольствия Ростов-Москва давно вышел. Стали питаться собственными средствами. Рядом стоит лес с полянками. Кто то обнаружил там дивную ежевику и красную морoshку. И вот мы, Кубанское офицерство, рассыпавшись "в цепь" - собираем ее, тут же бросаем в свои рты и едим, едим, утоляя голод...

Кто-то узнал, что при жел.дор. станции топится баня. Когда мы купались? Думаю, не купались в бане многие месяцы. Немедленно же снарядили к начальнику станции делегацию. Узнав кто мы - он вызвал заведывающего баней и приказал - "дров и воды не жалеть".

И в будущем - на вопросы жителей, - никогда не скрывали - кто мы. И к нашему удивлению и к радости - все относились к нам очень сочувственно.

Это не правда, как пишут некоторые Казачьи журналы, что - "все русское население, будь то князья, генералы, интеллигенция, рабочие или крестьяне - не любили казаков". Наоборот - узнав, что мы казаки, главное, к тому же и офицеры, пленные - к нам было искреннее сочувствие, как и удивление - как это, храброе казачество, вольные люди, красота и зависть россиян - и оно не победило красную армию? От этих похвал, у меня лично, оставалась только жалкая горечь на душе.

В КОСТРОМЕ. В ЧЕКА. ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Тюрма.

После трех дней пребывания в Москве - нас отправили в Кострому. Мы проезжаем старинные русские города, известные нам по истории разных времен - Юрьев, Переяславль, Ростов и др. Городки небольшие, грязные, дома деревянные постоек. Все бедно и примитивно, как и много веков тому назад. Это захолустье. Наш товарный поезд стоит долго в каждом городке и мы имели возможность попасть на базары, что бы купить еду. На главных улицах деревянные тротуары, т.к. улицы не мощены и во время распутицы - стоит грязь.

Проезжаем старинный славный город Ярославль, памятный нам еще и по неудачному офицерскому возмущению, руководимому Борисом Савинковым. В него наш поезд не вошел, а остановился на Сортировочной станции. Издали видны лишь куполы многочисленных церквей. Генерал Хоранов с восторгом вспоминает свои молодые годы, когда он был студентом в Ярославском Демидовском юридическом лицее.

После Ярославля, наш поезд вошел в лесистую полосу, среди коей были крестьянские участки пахотной земли. Они и сейчас трудятся над ними. Крестьяне спокойны, приветливы. У них хорошие рабочие лошади. Гражданской войны здесь не было, т.е. не было ни красного ни белого фронта. Все ужасы гражданской войны они не пережили и живут еще по-старому, нормально.

Не зная края - наш поезд неожиданно вперся в жел.дор. тупик и остановился в очень небольшой станции, над которой, крупными буквами, было написано - К О С Т Р О М А.

Да неужели мы уже приехали?... и так скоро? - спрашивают некоторые.

Должен сказать, что мы в дороге не грустили; являясь однородным элементом - нам никогда не было скучно. Конечно, не было и весело, но и не томительно. И "пленниками", в буквальном понимании этого слова - мы себя не чувствовали. Ехали ведь без конвоя!

Мы разгружаемся и, к своему удивлению, узнаем, что сам город Кострома находится на левом берегу Волги, и что здесь "тупик" железной дороги, и что за Волгой ее нет. Там сплошные леса.

Здесь оба берега Волги высокие. Город расположен на возвышенности. Видны кирпичные дома скученных построек, окрашенных в светло-серый цвет. Много церквей. Издали, через Волгу, город кажется очень красивым.

Разрозненную толпой, с вещами в руках и на плечах, спускаемся к Волге, к парому. Нас окружают любопытные, видя в нас "неведомых" здесь людей по нашим костюмам и мы, не скрывая, отвечаем - кто мы. Узнав это - крестьяне, которые с подводами переправляются с нами на ту сторону Волги, указывая на деревянные низкие казармы у берега, влево от нас - таинственно, с оглядкой, поясняют, что там живут "латышские части особого назначения", которые наводят ужас на население.

Это название частей мы слышим впервые и оно нам очень не понравилось

Подшел паром. На большой плавучей площадке, помещаемся все мы около 80-ти человек, несколько подвод и десятки людей. Этот паром-матку, на длинном металлическом канате, тянет паровой буксирчик, что очень оживляет переправу, т.е. он шипит и часто дает гудки.

Течение Волги здесь быстрое меж высокими берегами, почему наш паром относит далеко вниз и буксирчик, как муравей с ношей гораздо крупнее его самого - он ловко тянет паром за собою и к пристани подходит против течения.

Выгрузились. Тяжелым шагом поднимаемся по широкому дефиле к городу, вступаем на пустынную дорогу и провожатый, ждавший нас на станции, сворачивает вправо, на юг. Очень скоро, на окраине города, на высоком месте, нас вводят во двор с просторным одноэтажным домом под зеленой крышей. Это и была "Костромская губ. чека".

Во дворе разлапистые деревья. Положив вещи на землю - расположились кучно, кто как мог. Генерал Морозов, с провожатым, и с пакетом из Московского Кремля, на котором было написано - "В Костромскую губ. чека, для фильтрации Деникинских офицеров" - пошел во внутрь здания. Он долго не возвращался. Наконец появился и со злобной улыбкой сказал нам: - "У них занятия окончились... все чины разошлись по домам... остался только дежурный писарь, который едва дозвонился председателю, о нашем прибытии. И мы должны ждать его здесь".

Было предвечернее время. Чека здесь работала, видимо, еще мирно. И о нашей командировке к ним "для фильтрации", им не было известно. Мы, даже, улыбнулись на это.

Наконец прибыло два или три человека. Кто они - мы не знали, но знали, что это есть члены власти. Все они одеты не так кричаще по коммунистически, как одевались подобные у нас на юге. В штатских костюмах и черных фуражках. И только кожаная куртка, были показателем их власти. Лица у них не злые, полуинтеллигентные.

"Кто из Вас генерал Морозов?" спросил передний, бросив на нас ничего неговорящий взгляд. Морозов, стоявший впереди - назвал себя совершенно запросто, не переменяя и позы, в которой он стоял. И они все, молча, но очень активно стали разсматривать его, буквально, с ног и до головы, изучая как неведомое им существо. Все мы поднялись со своих мест и молча наблюдаем все это.

Морозову, это разсматривание, и изучение его личности, не понравилось. Молча, демонстративно, он повернулся к ним спиной, лицом в нашу сторону. На удивление - чекисты на это не обиделись, а нам, генерал Морозов, свою независимость и гордым характером - стал очень нравиться. Умный, культурный, волевой он был человек.

Здесь нас не задержали и с новым провожатым, повели в город по тому пути, по которому мы шли от пристани. У какого то бойкого места нас остановили и толпа любопытных, немедленно же окружила нас, гадая - кто эти люди? Наш внешний вид в этом медвежьем уголке России был, правда, необычайный. И во всяком случае не великорусский, а скорее "татарский". Все мы в палахах, некоторые в бурках, или в черкесках на распашку. Большинство в гимнастерках. Все подпоясаны настоящими кавказскими поясами с серебряными наконечниками. Все в сапогах, когда здесь крестьяне ходят в лаптях. Ни у кого нет чемоданов, а только козловые сумы через плечо. Не все бритые. Все старики с бородами, больше черными, с проседью. Кроме этого - цвет кожи наших лиц был смуглый, и от природы юна, и от горя, и от заветренности долгой боевой работы на фронте, тогда как Костромичи - они исключительно блондины. Одна старушка, долго, пристально заглядывая в наши лица, вдруг спрашивает:

"Чай Вы не китайцы-то-то-о-о?" Это нас рассмешило.

"Китайцы, китайцы, бабушка", отвечает ей словоохотливый и находчивый хохлушка Дробышев.

"О-о-о... тото я и вижу-то, што вы не наши-то-о", проговорила она, перекрестилась и пошла своей дорогой.

Вот она, Россия-матушка и темь безпросветлая. Костромской выговор резис

отличается от обще-русского литературного. Он протяжный и певучий. Буква О выговаривается как она пишется и никогда в словах, как принято, не переходит в А. Всякая фраза, в особенности вопрос - обязательно заканчивается звуком "о-о", или "то-о". Они говорят так: - "Кого-О? Чего-О? Меня ТО? Тебя-ТО? Его-ТО? Так ты приходи-ТО? Так ты придешь-ТО? Я не пойму его-О"...

Вначале нам этот выговор казался странным, смешным, но потом привыкли, и он нам, даже, понравился. Они, крестьяне конечно, не говорили, а словно пели, ударяя все время на букву О и ТО. И эти две приставки к словам, служили выражением душевных переживаний говорившего. Потом мы и между собою, иногда, говорили, в шутку, с таким выговором и... "на душе становилось, как-то, веселее"...

Нас ведут по дороге, что у самого берега. Идем на север. При впадении речки Костромки в Волгу с левой стороны - наш путь, под некоторым небольшим углом, сворачивает вправо и вдруг, перед нами, неожиданно открылось, словно умершее давнопрошедшее историческое явление в Русской жизни. Перед нами, в полной своей красоте и доподлинности, на несколько высоком правом берегу Костромки, открылся Ипатьевский монастырь Дома бояр РОМАНОВЫХ.

Странное переживание. Еще на школьной скамье в станице, он был памятен мне по учебникам и по событиям 1613 года. Но эти события были так давно и так далеки по расстояниям от Кубани, что в моем понятии сложилось - все это было как миф и этого монастыря с теремом бояр Романовых, в действительности, уж нет. Время должно их разрушить. И вдруг этот Ипатьевский монастырь открылся в полной своей внешней доподлинности и так неожиданно, словно воскресший из мертвых. Это было мое личное переживание. Он, как и на картинках, огорожен белой каменной стеною. На одинаковом расстоянии от углов - в стене калитка с навесом. От нея к Костромке - каменные ступеньки-сходни. А многочисленные золоченные купола блестят так ярко, что трудно оторвать от них свой взгляд.

Левый берег Костромки низкий, песчаный, заливной. На нем много бревен и плоты. На этом берегу нет никаких построек. Правее дороги, на под, м, к городу - какая то фабрика. Рядом с дорогой высится двух-этажное кирпичное здание, без окон на улицу. Взоры всех нас были влево, на Ипатьевский монастырь, который был на северо-запад от нашего движения - как нас резко остановили у высоких крупных массивных дубовых ворот. Очарованный разглядыванием исторического памятника-монастыря и удивленный нашей остановкой - я повернул голову направо; и сверху этих массивных высоких, в три роста человека, дубовых ворот, прочитал надпись очень крупными буквами:

ЛАГЕРЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО

ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Ну, вот... мы все поняли: - мы прибыли к месту своего назначения..... Через узкую, так же массивного дерева, калитку в этих воротах для прохода по одному человеку - нас ввели во двор. Посреди него, изолированно, стояло второе кирпичное двух-этажное здание. Южную и восточную часть двора загораживали высокие кирпичные постройки своими глухими стенами. Северную же часть - постройки администрации и караула. Кто-то приказал нам выстроиться в одну шеренгу. Вышел еще кто-то и по фамилиям, не упоминая наших чинов, проверил списочный состав, приказав в будущем строиться в том порядке, по коему выкликал нас при проверке. После 4-х генералов - пятою была моя фамилия. Страха в душе не было, а образовалась какая то пустота.

Это оказалась губернская тюрьма Императорского периода времени.

В К С Т О М С К О Й Т Ю Р Ь М Е . . . .

Нас распределили человек по 20 по очень просторным светлым и чистым камерам. Мы были довольны уж тем, что покинули свои скотские вагоны, в которых и жить было можно только по-скотски, т.е. вповалку. И если считать, начиная со станции Хадыжинской Майкопского Отдела, приблизительно с десятого марта, мы жили со своими полками в лесистых горах, а с 20-го апреля под караулом красных, в лагерях, то получается, что около 4-х месяцев мы не имели человеческого жилища. И как насмешка судьбы - Костромская тюрьма, оказалась первым нашим уютным человеческим жильем.

Это была, повторяю, старая Царская губернская тюрьма. Все в ней построено прочно, хорошо и не для изнурения человеческой души и тела. Тюрьма - это два длинных кирпичных двух-этажных дома. Один из них, главный, своей глухой стеной без окон, являлся внешней стеной от улицы, а второй, чуть короче, стоял посредине двора. Здесь было несколько человек местной буржуазии, но главный контингент заключенных, человек около 300, это были пленные польские солдаты.

Поляки сразу же пришли к нам, познакомиться. Все они были очень молодые люди и большинство из них - евреи. Они были настолько молоды и так мелко ростом, что их, не оскорбляя, надо было назвать "еврейчиками". Все они с большим акцентом говорили по-русски. Удивленные тем, что в Польской армии так было много евреев, мы спросили их:

"За что-же вы дрались против красных?" и получили гордый ответ:

"За Польшу Отчизну", Произнесено было хотя и с большим акцентом, но достойно. Вот тебе и "еврейчики", подумали мы. А какие польские патриоты!

Они очень томятся пленом, плохой пищей и совершенно не хотят работать на плотках, что бы подработать на свое питание. Они весь день варят в котелках пшеницу или геркулес. Вся их душа направлена была на то, что бы чем-да-нибудь, напичкать свой желудок.

Они одеты в защитные гимнастерки и брюки, хорошего качества, которое сильно изнашивается и загрязнено. О чистоте они и не думают. Большинство ходит босиком.

В нам в камеру wszel их фельдфебель, высокий стройный молодой человек и чистокровный поляк. Он в конфедератке, которую мы видим впервые. Она очень красива своей формой и цветами и украшает человека. Вошел и козырнул нам. Он бегло говорит по-русски. И на наш вопрос - кто победит? - уверен, что Польша победит красных.

В них чувствуется национальная гордость, даже и в плену. Это нам нравится, так как фактически, в борьбе против красных, мы являемся союзниками.

На второй день приказано идти в баню, по очереди, человек по 20. "Ну какая там тюремная баня?", протестовали некоторые и не хотели идти.

"Г о с п о д а - а!.. вот баня, так баня-а!.. и на Кубани такой не видал." выкрикнул полковник "из пожилых" И.И. Бобряшев, вернувшись из нее весь красный от пара. И мы пошли, последняя группа молодежи.

Просторная светлая комната. Пол, стены, полка для пара - все досчатые. Сухой светлый предбанник для раздевания. Рядом течет речка Костромка и штабеля и плоты дров, почему горячей воды и пара бесконечно много. Тут же и березовые веники "для пара". Время купания не ограничено. Каждый тут же занялся стиркой своего белья. Муть!... у некоторых, и у меня, была всего одна пара белья, что на теле. Вытирал брат это /я всегда не любил заниматься бабьим делом/ и, для просушки, одел не голое тело...

В купались в бане Царской тюрьмы в полную свою сласть и поделились между собою, что арестантам здесь жилось гораздо вольготнее, чем теперь многим на воле при красной власти.

Мы совершенно свободны и в своих камерах и во дворе. Камеры - это большие комнаты, которые теперь никогда не запираются, даже и на ночь, почему мы свободно ходим "в гости" друг к другу.

В тюрьме есть и театр, но нет артистов. Это самая большая комната во всю ширину здания, в конце ее, и воротам. Хорошая сцена. Мы свободно входим в нее и рассматриваем удобства... И каково же было наше удивление, когда, и на стенах и на потолке, мы обнаружили лики Святых Угодников и ангелочков с белыми крылышками, просвечивающимися через белую известку покраски.

Она называется, это была тюремная церковь, а теперь, вот, театр. На месте алтаря - построена сцена. Императорская власть считала, что у преступника надо вызывать раскаяние церковью, а красная власть считала, что его надо ублажать удовольствиями. Разность подхода к душе человека.

КТО НЕ РАБОТАЕТ - ТОТ НЕ ЕСТ. . . .

Один из лозунгов красных. Он справедлив, но не в их методе принуждения и эксплуатации человека.

Для нас через три после нашего заключения - нам приказано разбиться "на десятки" и выступить на работы, на берег Костромки - пилить дрова. Весь берег завален невысокими штабельками бревен в две сажени длиною. Их нужно распиливать в аршин по длине и колоть для топки на "швырки". Там много длинных толстых нетронутых бревен, много и плотов в самой реке, видимо, нетронутых после революции. Фонерная фабрика, находящаяся тут же выше тюрьмы - она не работает уж давно. Городу нужны только дрова.

На каждый десяток выдали двойную пилу, лом и топор-колун. Утром обязательная переключка, потом чай и после него - выходили на работы. Выпускали по-одиночке через калитку, по счету "старшины тюрьмы". Вновь по счету нас впускали во двор на обед, отдых 2 часа и вновь на ту же работу.

Вначале нам это было неприятно, досадно, страдала гордость, личное достоинство, но потом так к этому привыкли, что в камерах оставались только старики, под видом болезни. К тому же скоро узнали выгоду выхода на работы.

Кормили нас отвратительно. Суп с таранью или с ее только головками для запаха; в нем несколько крупинок пшена, но их не поймат ложкой и пол фунта хлеба в день на человека. Хлеб был хорошей выпечки, белый, которого не хватало, даже, на один присест. И когда через неделю мы подали свои сведения, сколько каждый десяток выпилил кубических метров дров, то оказалось, что некоторые партии заработали по одному фунту муки в день на человека.

За получкою ее, посылался один человек от каждого десятка, в интенданство, которое было далеко в городе. Приятная свободная прогулка туда без часового, а в интенданстве самом, в магазине - приятный запах тарани, окопников, где можно было... и украсть кое-что для еды.

Да-а!.. украсть! И это считалось не только что недозволительным, но считалось молодечеством, добродетелью, борьбою с властью и другими разными почтительными названиями. И редко кто, украв, допустим целую тарань, или две - с, едал ее сам. Он нес ее в свой десяток, "в партийный котел".

От своего десятка, таким приемщиком был избран автор этих строк. Как ни странно покажется, но мы, офицеры, в своей жизни руководствовались только демократическими началами - все было по выборам, но не по назначению старшего.

Самым спортивным в работе и в дружбе - был наш десяток, прозванный Кавказским, т.к. большинство членов были старшие Кавказцы. Это были: Хоранов, Уоменко, Храмов, мой брат. И "прикомандированные" - я как кадровый Кавказец.

зец мирного времени, Клерже как корпусной казначей генерала Хоранова, а молодые хорунжи Долженко и Дробышев - как влюбленные в нас.... Старшим десятка был Хоранов, оказавшийся душевным товарищем и по работе и по личным взаимоотношениям. Никто тогда не кичился своими чинами и подвигами, а все были равными в страданиях.

После работы многие купались здесь же в Костромке. В особенности любил это генерал Морозов. Он обязательно плыл на середину реки и там долго барахтался один. Удивительно замнутый и гордый был он, как и независимый даже и перед красными.

После конца работы, у ворот тюрьмы, всегда нас ждали 2-3 женщины, продающих кое-что с, естное. Многие покупали, кто имел деньги. Самыми богатыми были Морозов и Хоранов. У них были, и Царские и "керенские" деньги, которые очень высоко котировались против советских. Хоранов часто делился с нами купленной едой. По натуре он был добрый, дружественный человек. Самыми же безденежными были мы, офицеры 2-го Кубанского конного корпуса, т.к. мы не получили жалованье за два месяца и никаких под, емных. Как писал раньше - казначей корпуса, посланный генералом Науменко в Екатеринодар за авансом - затерялся среди зеленых. Затерялся или сам ушел к ним и потом в свою станицу с хорошею суммою казенных денег - вопрос не выясненный. В книге генерала Врангеля прочитали, что с казенными деньгами в Новороссийске, многие более видные чины, проделали произвол в свою личную пользу. Что только мы, строевые начальники, были скромны.

РУССКИЕ ЛАПТИ.

Мы обносились. В особенности в обуви. Левый берег Костромки очень низкий и исключительно песчаный. Он "раз, ел" нашу обувь, которая и без того была бедна. Через Морозова мы попросили у начальника тюрьмы дать нам хотя кое-что для работы. И нам достали обувь - то были самые настоящие лыковые лапти, с онучами, но совершенно новые, из интенданства.... И мы одели их

Не буду писать, сколько было смеху! И вот на работу, с инструментами, через калитку, узкую и низкую /надо пригнаться, что бы пройти через нее/ идут наши генералы, а за ними штаб-офицеры Кубанского казачьего Войска и - все в лаптях. Все смуглые, загорелые, подтянутые от работы и недоедания, но всегда, почему-то, бодрые и веселые. Мы жили очень и очень дружно между собой. Но мы были только в своей толпе, на глазах, веселые. Иные чувства были когда ложился спать и в одиночку вспоминали свою Кубань-Отчизну, свои семьи... Мутное переживание души тогда было! А главное - мы не знали - каков же будет "наш конец"? . . .

НАШ СТАРОСТА ТЮРЬМЫ /и другие/...

Порядок в тюрьме, во внутренней жизни ее, в нарядах на работы и в проверке списочного состава арестантов - вел тюремный староста. Он назначался начальником тюрьмы из старых арестованных, зарекомендованных себя с хорошей стороны... Мы этого не знали, и в своем "старосте" видели только свое начальство, которому надо подчиняться. Это был разумный мужчина лет под 35, хорошо грамотный и толково распорядительный. Одет он был в штатские брюки на выпуск, в длинной русской рубашке, подпоясаной шнурком с мохрами. На голове темного цвета картуз. И начальник тюрьмы, и местные заключенные, и мы - обращались к нему по имени и отчеству. После вечерней проверки заключенных - он прохода караульное помещение у ворот, через окно, говорил одну и ту-же фразу начальнику тюрьмы:

"Ну, Иван Петрович, я пошел домой ночевать".

"Хорошо, Сидор Карпович... только смотри не опоздай завтра", всегда мы слышали одну и ту же фразу из окна начальника тюрьмы.

"Не беспокойтесь, Иван Петрович, как всегда, я приду своевременно", отвечал он и с уелком в руках "чего-то" - спокойно проходил через калитку на глазах у часового. И каково-же было наше удивление, когда мы через полтора месяца узнали, что он являлся бывшим местным жандармским вахмистром, заключенным как и мы, местный житель и ночевать ходил к своей семье, пользуясь уважением начальника тюрьмы, так-же местного жителя. И надо сказать - свои обязанности староста тюрьмы, он выполнял аккуратно, честно, не кичась, никого не притесняя и не заискивая перед начальством.

Полицейский чин Императорской жандармерии, оказался очень достойным человеком и перед нами и перед красной властью.

Сидел с нами и местный помещик. К нему часто приходила жена для свидания. Через нее он давал указания и распоряжения по сенокосу. На нас он смотрел как на невинных жертвы. Нуждаясь в деньгах, некоторые из наших просили его "загнать в городе" свои серебрянные портсигары, золотые кольца. Все это передавалось его жене и та аккуратно и добросовестно это выполняла.

О старосте он сказал, что был хорошим жандармом и очень уважаемом в городе. Такова ирония оценки - красной власти и народа.

Во дворе, по углам, стоят внутренние часовые с винтовками у ноги. Прибыл командир батальона местных войск проверить наряд. Молодой человек лет 25-ти, в офицерской защитной шинели, при шашке, проходя мимо нас, варивших кашу - он скрытно, любознательно, бросил на нас короткий взгляд, желая посмотреть на настоящих офицеров. Часовой, по старому, взял винтовку накраул. Он стал что-то поправлять ему, словно желая показать нам дисциплину своих солдат.

"Кто он?" - спрашиваем своего помещика.

"Штабс-капитан... местный... из прапорщиков", ответил он. Заметив наше изумление, добавил:

"Все переменится... надо только терпеть и ждать"...

Ах, милая Кострома, старо-русская, православная! Как хороша и мила ты была к нам казакам, даже и в нашей неволе!

Кострома, как невидевшая у себя фронта гражданской войны - она жила еще старую местную жизнью.

Н Е О Ж И Д А Н Н О Е   О С В О Б О Ж Д Е Н И Е.

Внутренний мир генерала Морозова нам был совершенно неведом. Не советуясь даже с нашими генералами - он запротестовал перед властью, а как? - мы не знали.

"Кубанская армия капитулировала добровольно... почему же нас, старших начальников, посадили в тюрьму?"... так говорил нам потом его адъютант, штабс-капитан из Москвы.

Совершенно неожиданно, Морозова и адъютанта вызвали в "Чека". Что говорилось там, нам тоже было неизвестно, но председатель Чека, после переговоров по телефону с Кремлем, взяв Морозова и его адъютанта, выехали в Москву.

"В первом классе ехали туда и обратно, со всеми удобствами", потом, смеясь, рассказывал нам адъютант генерала Морозова, развитой и бойкий штабс-капитан из Москвы, кажется с высшим образованием.

В Кремле они были приняты каким-то "Склянским", который выслушав доклад Морозова - приказал Костромской Чека освободить нас и прикомандиро-

вать к местному запасному пехотному полку. По прибытию Морозова из Москвы, это было выполнено немедленно-же. И наш тюремный староста, вахмистр Императорской жандармерии, он-же и заключенный, со списком из тюрьмы, безо всякого конвоя, по тротуарам улиц /но не по середине улиц, как это было раньше/, повел нас в Запасный полк.

В ЗАПАСНОМ ПОЛКУ. ЕГО КОМАНДИР И ОФИЦЕРЫ.

Мы вошли во двор Запасного полка Костромы. Все здесь было старое, до-революционное. У полковой канцелярии стояла группа "ком-состава"/командный состав по советской терминологии/ человек ЭС. Все по форме одетые в защитный цвет. Если бы одеть им погоны, они сразу же бы стали теми офицерами, которыми были в Императорской армии. Они с любопытством смотрели на нашу живую кишку, змейкою втягивающуюся в широкие ворота их полкового двора - с сумами, с узлами, в странных костюмах для этих мест. Они видимо были предупреждены по телефону из тюрьмы о нашем прибытии, почему и собрались здесь, что бы увидеть "интересных гостей".

Войдя - мы немедленно-же расположились в тени под развесистыми деревьями своим экзотическим табором... Староста, со списком, прошел между ними с поклоном, в канцелярию, откуда скоро, даже немедленно, вышел командир полка, что-то сказал своим офицерам и все они, гурьбой, двинулись к нам.

"Здравствуйте господа!...кто из Вас будет генерал Морозов?" спросил он.

Морозов спокойно выдвинулся вперед и назвал себя. Командир красного Запасного полка вежливо козырнул ему, но руки не подал, и сказал нам всем, почти дословно повторяю:

"Вас прикомандировали к моему полку. Очень приятно. Я для Вас сделаю все, что возможно в моих силах. Прошу Вас смотреть на нас ни как на своих врагов, а как на своих равных бывших соратников. Лично я - подполковник старой армии и весь мой "комсостав" - так-же бывшие офицеры, за исключением двух. Но никого среди нас коммунистов нет" - с лаковой улыбкой закончил он.

"А теперь - познакомимся по-частному", добавил он и подар руку Морозову. Все его офицеры немедленно-же разбрелись по нашей толпе, закидывая нас вопросами.

Они очень мало знают о нашей борьбе против красной армии. Все они были тогда в этом же Запасном полку, все местные жители. Сам командир полка еще при Императоре был помощником командира этого полка, а потом назначен красными командиром. Он местный небогатый помещик. Часть имения власть оставила ему в пользование, т.к. он, с тремя своими друзьями-офицерами, обещал устроить коммунальное хозяйство. Они открыто острят над двумя офицерами "красной формации", но подчеркивают, что они "парни славные". Эти два красных офицера, краснея, оправдываются, и жалеют, что их возраст не позволил быть настоящими офицерами раньше. Такое признание, и поведение, всех офицеров нас приятно удивило.

Командир полка, бывший подполковник, высокий стройный блондин лет 45-ти, он так учтиво разговаривал с генералом Морозовым, что если бы это происходило в комнате, и глаз-на-глаз, думаю, величал бы его на "Ваше Превосходительство".

При нас он вызвал офицера, заведывающего казармами и приказал выдать каждому из нас новые чехлы для матрацов и подушек, постельное белье, медные котелки и отвести совершенно изолированную от красноармейцев казарму. Пожелав нам "наудобнейше устроиться здесь у них" - козырнул всем и со своими офицерами покинул нас.

В КОСТРОМЕ, НА ВОЛЕ. . .

Мы размещены в совершенно изолированной от красноармейцев казарме. Она была пуста, чиста, одноэтажна, много окон с обеих сторон, много света. Чистые низкие деревянные нары голова к голове. Над головами полочки для вещей, крючки для одежды. После полуторамесячного пребывания в тюрьме на своих бурочках или шинелях - соломенные матрацы, холщевые простыни и наволочки для подушек, и суконные одеяла - кажутся нам исключительным достижением в нашей неволе.

Мы теперь совершенно свободны и можем ходить в город и на работы с самого утра и до вечерней переключки. Без разрешения. Многие из нас сразу же пошли в город, чтобы осмотреть его, как историческое место. Большинство домов кирпичные, окрашенные в светло-серый цвет. Много церквей. Было Воскресенье и мы пошли в местный старинный Собор. Он, будто бы, от старости, вошел в землю. Его пол ниже уровня земли. В нем много молящихся. Он весь сияет от множества зажженных свечей. Служба идет торжественная. Проповедь священника была особенно смелая и вся направленная против красной власти.

Мы в городском саду. Много гуляющей молодежи. От радости "свободы", сиди за столики, чтобы выпить прохладительного. Так приятна свобода и независимость.

Кто-то сказал нам, - за городом, к югу от него, находится "незаконченный памятник Царям". Мы там. Высокий берег в пролеске. На высоком массивном пьедестале стоят только 2-3 фигуры, а остальные, числом до 10-ти, лежат на земле в полном беспорядке и забвении. То все крупнее, в 2-3 роста человека бронзовые фигуры Царей Московских, начиная с Патриарха Филарета и Инокими Царей, родителей Первого Русского Царя из Рода Романовых. Все это было вылитое где-то до революции, доставлено сюда, приступлено к их воздвижению, как настала революция и... все брошено, запустело.

Площадь Ивана Сусанина в самом городе пустынна. На небольшом пьедестале стоит небольшая фигура Царя Михаила Феодоровича. Против - Романовский музей. Он занимает только две комнаты на 4-м этаже, очень скромный по своим экспонатам.

В Костроме нет ни трамвая, ни автобусов. Не видно и извозчиков. Город небольшой, но скученный. Через Костромку, по низкому настилу деревянного моста идем в Ипатьевский монастырь, так всем памятный по Русской истории.

В Храм вошли молча, с глубоким душевным волнением. Мы не вошли, а мы благоговейно ступали своими обыкновенными человеческими ногами в запяленных и сильно потрепанных сапогах и чевяках по тем местам, где ступали Царственные ноги всех Российских Царей и Императоров. Я не был никогда мистик, но здесь почувствовал себя маленьким человеком, который не по положенному вступил в самое Святое Святынь. Думаю, так почувствовали и те, кто был со мною тогда - командир 1-го Кавказского полка полковник Владимир Николаевич Хоменко и его два помощника, войсковые старшины Храмов и наш старший брат Андрей.

Храм был пуст. В нем, кажется, уж не отправляли церковную службу. Но кое-где, над ликами Святынь Угодников - теплились одинокие свечи. К ним прибавили и мы свои четыре казачьих свечи, так памятные в своей печали и вере в Бога.

Как звереныши, постояли мы на месте, посмотрели на все иконы, перекрестились и тихо вышли.

При выходе, налево, терем Романовых. Длинное узкое здание, деревянное, с высокими входными порогами главного входа. Узкие окна. Все закрыто. Вход в них воспрещен.

Тихо выходим с Монастырского двора и спускаемся вниз, к реке, к мосту. На парадном крыльце большого дома сидит человек в красной длинной широкой рубахе, поверх безрукавный жилет. Широкие штаны вобранны в сапоги.

Он крупный, мясистый - типичный "целовальник" в России /торгующий напитками/. Мы, как всегда, голодны. У крестьян что то имеется в запасе.

"Нет-ли у тебя молочка, дяденька?" кто-то спрашивает из нас. Мы пленные... белые офицеры", добавляем ему, что бы вызвать у него жалость к нам.

"Эх, милой... раньше всего было много-то... а таперь... город все забрал", ответил он и махнул безнадежно рукою.

СТАРОЕ ВИДЕНИЕ . . .

Кострома осталась неискушенная революцией. Иду один, заворачивая за угол к какой-то площадке и... не поверил своим глазам. Черенга молодых солдат-красноармейцев, так отчетливо, так молодецки производит строевое учение. Невольно остановился и, даже, протер глаза: не галлюцинация ли это?

Кстати - они были отлично одеты и на головах имели старые фуражки Императорской армии - безкозырки с черным дном и серым околышем. Мне показалось, что в далекой Костроме сохранилась еще частица старой Армии, что бы показать - как надо маршировать. Да и солдаты были на подбор - рослые, стройные. Спрашиваю - что за часть?

"Учебная команда Запасного полка", отвечает начальник ея.

"А-а"... промчал я. А он, видя что я в папахе, в наговицах, спрашивает:

"Вы наверно казак?... с Кавказа?" И подтвердил это. И он продолжил:

"Так у нас Ваши казаки были в 1913-м году... на 300-летнем юбилее Царской Династии. Только они были иначе одеты, в синих жупанах /он так и сказал, "в жупанах"/ очень длинных и в больших белых шапках. Красивая форма была", закончил он, красный командир.

Этот начальник был молод и, видимо, не все знал. На Юбилей Дома Романовых, в Кострому была командирована одна сотня казаков 1-го Кизлярс-Гребенского полка с командиром полка, с адъютантом и хором трубачей. Всем были пошиты на полковой счет синие черкески, белая папаха и белые бешметы. Об этом писал нам в Оренбург полковой адъютант хорунжий Василий Старичкин, выпуска 1912 года. Надо представить, какой фурор произвела эта нарядная сотня Гребенцов, на всех жителей Костромы.

Велики, и лик и имя казачье. Мы их сохраняли и в неволе.

МЫСЛИ О КРЫМЕ ИЗДАЛЕКА. . .

Мы питались из солдатского котла, наравне стоя в очереди с красноармейцами. Питали всех северно. Тот же суп из головок тарани, какая-то каша без приправ, или картофельное пюре. И не только в очереди за пищей, но и во дворе, сами солдаты спрашивали о Крыме генерала Врангеля, приходя к нашей казарме. В нее они никогда не входили.

По газетам мы знали, что Армия генерала Врангеля вышла из Крыма и наступает на север.

Мы часто рассматривали географическую карту и, полностью сочувствуя движению своих соратников, не верили в успех.

Крым, из Костромы, нам казался очень и очень маленьким пятячком земли, на необъятных пространствах всей России. И в наших выводах, не было сомнений, что рано или поздно, но Россия, своим массивом - раздавит его....

Крым и Кавказ, в понятии здешних людей, в особенности крестьян - это были какия-то далекия окраины России. Далекия, неведомые и, почти, чужие. В понятии красноармейцев /вернее - русских солдат, каковыми они, в действительности тогда были при нас, в Костроме и которым от рождения было чуть свыше 25-ти лет/ - Кавказ до сих пор оставался "наипогибельным", как они выражались на своем языке. В их понятии - на нем и появились "какие-то белые генералы", образовали свою армию и воевали с советскою

властью "за что-то"... Война затянулась, поэтому советская власть вынуждена была мобилизовать "вот их", мужиков /"христьян", как они называли себя/. .. Держать их в казармах, учить их строю, вместо того, что бы они, вот теперь, в летнюю пору, работали в своих селах, с семьями, собирая годовой урожай.

Они так-же ненавидят советскую власть, но... "ежели-бы не белые генералы, не война с ними - советская власть так бы не притесняла их, крестьян".

Потом белых генералов разбили, но в Крыму появился новый какой-то генерал, по фамилии Врангель, и опять начал "каламутить"... и через него опять им /т.е. крестьянам/ нет покоя. Поэтому, что бы их распустили по домам - надо разбить этого генерала Врангеля и тогда советская власть успокоится.

Вот такое было мировоззрение солдат-красноармейцев Костромской губернии, мобилизованных и зачисленных в Запасный полк.

Да, пожалуй, так думала и местная интеллигенция, не говоря уже о рабочем классе. Все жили в своих домах совершенно вольготно. Мы видели в городе очень интеллигентных барышень, которые по внешнему виду, по костюмам и по хорошей упитанности, выглядели совершенно "дореволюционному".

В Костромской губернии есть своя особая красота женщин. Весь народ здесь светлорусый. У женщин густая, чуть рыжая, длинная коса. Тело белое. Лица с веснушками, что делают их особенно нежными и привлекательными. Они стройные, высокие, с роскошным бюстом и тазом. По натуре - народ был мягкого характера.

Командир Запасного полка, Царский подполковник, в разговоре с нами, сказал, что его полковой комиссар человек интеллигентный, местный житель, в строевое дело совершенно не вникает и он с ним живет очень дружно.

Все здесь было иначе, чем у нас на юге, в Казачьих краях.

НА ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ФРОНТ. . .

Кума ген. Врангеля. - Действие Казачьей Песни.

Сформирован был батальон от Запасного полка, для отправки на Врангелевский фронт, как говорили здесь. Одновременно пришло распоряжение из Кремля - "Морозовцев /так окрестили нашу группу/ препроводить в Москву". Что за этим крылось, мы не знали. Вообще, мы ничего не знали - куда нас бросят, зачем и какова наша будет дальнейшая судьба? . . . .

На том же пароме, нас переправили на правый берег Волги. Здесь мы увидели странную картину.

В густой резервной пехотной колонне человек в 500 стояли молодые крестьяне в домотканых длинных и широких серых рубашках подпоясанных чем кто мог, в синих, с белыми полосками, самотканых "портках" /штанах/, заматанных онучами /портянками/ и... в лаптях. На головах у них разноколиберные картузы. За плечами, на лямках, большие мешки, как потом мы узнали, с сухарями.

Впереди этой колонны виселись красные плакаты, на двух древках каждый, с какими-то надписями белыми буквами. Дальше - духовой оркестр. Двое верховых стояли лицом к этой массе крестьян и один из них говорил речь. С трех сторон, с винтовками у ноги, эту группу охраняла рота красноармейцев человек в сто.

Наша группа пленных Кубанских штаб-офицеров подошла к ним тогда от парома, когда формирование, и речь комиссара, были закончены. Произнесена была какая-то команда и вся эта масса, под звуки оркестра, двинулась на легкий под, ем к железно-дорожной станции Кострома. Два верховых "загарцевали" впереди, крестьяне "зашагали" как попало, а охранная рота взяла

винтовки "на-плечо", с примкнутыми штыками... кольцом окружив колону с трех сторон.

На наш вопрос, немногие сопровождающие их женщины, сказали нам, что это один батальон Запасного полка, отправляется "на Врангелевский фронт".

Потом мы узнали, что все казенное обмундирование у них отобрали, которое будет выдано только по прибытию их на фронт. Там же они получают и винтовки. Мы все молча слушали все это...

Как указал раньше - жел.дор. путь здесь заканчивается на правом берегу Волги. Как конечная станция, вокзал здесь маленький. Только 2-3 колеи. Запасных поездов нет. Вот почему, здесь очень тихо и пустынно. И только на третьем пути стоял длинный товарный поезд для посадки этого батальона отправляемого "на Врангелевский фронт".

В этом поезде отправлялись и мы. Наши два товарных вагона были прицеплены в голове, непосредственно к паровозу. При нас никакого конвоя. Мы неподчинены и начальнику этого эшелона. Препроводительные документы в Москву у генерала Морозова. И наши "два вагона", указал нам начальник станции.

У вокзала, с высокого перрона, комиссар говорил отправляющимся новую речь. Там появились новые люди и до десятка сестер милосердия в таких же своих профессиональных белых платьях, как и у нас на юге. Наши два вагона были далеко от них и мы не слышали слов комиссара. Сложив свои вещи в вагонах - гуртами стояли возле них, наблюдая всю эту картину издали, перебрасываясь фразами между собой. Было жарко. Новобранцы в вагонах, но "вся знать" и сестры милосердия стоят на перроне. Поезд еще не скоро отправится. На нас они не обращают никакого внимания. Да может быть и не знают - кто мы. Томительность и неизвестность досадны.

"Давайте-ка споем что-нибудь, господа?" - беру инициативу на себя. "И покажем им - кто мы?" - подбадриваю и заражаю друзей.

Мы пели отлично. Адром песенников были Кавказцы и Корниловцы. Голоса отличные. Чисто по-полковому - стали вдруг. Что-бы дать о себе знать, и для пропаганды казачьяго имени - умышленно запели:

"А вже літ білш двісті,
"Як козак в нєволі....

И когда подышались наши мощные аккорды в 40-50 голосов -

"Гэй!... Вийды доле із воды!...
"Вдзволь мєнє, сєрдєнько, із біды...

Мы видим, как абсолютно все стоявшие на перроне - власть, сестры милосердия и жел.дор. служащие - подняли головы, в недоумении повернули их в нашу сторону, прекратили разговор между собой и прислушались.

Мы поняли, какое впечатление произвела на них неизвестная им песня и мотив, почему еще воодушевленной стали петь.

Закончили эту первую песню. И что бы еще больше казачья песня разлилась здесь и еще больше захватила души Костромичей - хватили самую звучную, самую любимую и молодецкую - "Морозєнько".

"Из за горы, горы за крутої,
"Храбро вїсько виступає
"Попєрєду Морозєнько,
"Сивым конєм грає...

Весь цветник сестер милосердия и санитарный персонал, видим, тихо двигается к нам. Впереди крупная женщина, настоящая "гран дама". Недоходя шагов 20 - остановились. И когда мы закричали петь - они зааплодировали. Мы повернули головы к ним.

"Вы так хорошо поете... нельзя-ли и еще что-нибудь спеть?" обращается к нашему кругу эта высокая крупная женщина.

Генерал Хоранов, всегдашний дамский поклонник, немедленно же выделился из нашего круга, подошел к ней, представился, что он генерал и спросил: "А что Вы хотите послушать и еще?"

Знакомство завязалось. Хоранов объяснил ей - "кто мы". И вдруг слышим от нея: /краснаго начальства здесь не было/.

"Так Врангель-же мой кум!.. Да неужели это он в Крыму?... А я вот иду во главе санитарной летучки против него!" - удивленно и любезно заговорила она.

Сестры, окружающая ее, щебечут весело, восхищаются нашим пением и просят - "Пожалуйста, и еще спойте что-нибудь... Вы так хорошо поете!... Мы этого никогда не слышали".

И мы спели им "и еще" несколько песен родного Кубанского казачьего Войска, исключительно Черноморского Казачества, как более музыкального, нежного и благозвучного.

Да, по-истине можно подтвердить, что - "Друзья познаются в несчастье, а казаки в деле". Мы и в неволе прославляли Имя Казачье, будь то на работе по принуждению иль по личной охоте "на хлеб", иль в подобных случаях Казачьей Песней.

Мы не удивились, что "кума генерала Врангеля" не опознала своего кума. Врангель, в 1914-м году выступил на фронт в чине ротмистра и командира эскадрона. Теперь, в 1920-м году, он генерал-лейтенант и Главнокомандующий Белой Русской армией в Крыму. "Кума", живя в далекой Костроме - могла удивиться такой быстрой карьере своего кума, что непонятно, не зная, или забыв, что - война рождает героев.

ЕЩЕ О ГЕНЕРАЛЕ МОРОЗОВЕ.

Генерал Морозов. Он вел себя замкнуто. В казарме, на нарах, его место было на самом краю. Рядом с ним спал его адъютант, штабс-капитан, москвич. Только с ним он разговаривал. Взаимоотношения их были очень близкие и штабс-капитан, держась перед ним почтительно, был активен в разговорах.

Редко кто из нас обращался к нему. Некоторые титуловали его "Ваше Превосходительство", но большинство - по имени и отчеству - Николай Анполонович. Если он отвечал, или что говорил, то спокойно, дельно. Сказав - замолкал. В нашем поражении он винил только Ставку Главнокомандующаго генерала Деникина, осуждая ее в неспособности. Красную власть он ненавидел, и не стесняясь выражал это. Несомненно, он был большой Российский патриот

"Россия возродиться изнутри. Никакая интервенция не поможет свергнуть советскую власть", раза 2-3 коротко говорил он нам при случае. После сдачи Сочи, со 2-й Кубанской дивизией я был временно подчинен ему. Он запомнил меня, почему взаимоотношения наши были более близкими, чем были у него с другими офицерами. И ему единственному я сказал, что - "убегу в Крым или за границу". На это я услышал от него твердое: - "Надо оставаться в своей стране и работать здесь, изучать события и страдать вместе со своим народом. Только так можно возродить Россию" и - совершенно порицал мою мечту.

Но что для меня Россия, когда уничтожено мое кровное Казачество! - разсуждал я.

В Костроме, в Запасном полку, нас спросили: - желаем ли мы послушать оратора на политическая темы?

Отказываться было нельзя. Мы согласились. И оратор пришел и... заговорил. Морозов сидел на нарах позади всех нас. Слушал и улыбался. Потом оратор предложил задавать ему вопросы. Генерал Хоранов и полковник Кочергин задали. Морозова это возмутило. Он встал, плюнул в сторону, и пошел к своему месту в казарме. Оратор недоуменно посмотрел на него, но ничего не сказал. А когда он ушел - Морозов набросился на Хоранова и Кочергина - "Как они, старые офицеры, смогли задавать вопросы такому профану и мальчишке, коим был оратор?"

Кочергин молчал, а когда Хоранов стал объяснять ему свои желания - Морозов резко пристыдил его и отказался с ним разговаривать в дальнейшем.

Морозов куда-то собирается. Старается одеться как можно чище. Это все в казармах Запасного полка. Его спросил кто-то:

"Куда Вы собираетесь, Николай Апполонович?"

"В Кострому прибыл Блок и будет читать... хочу его послушать", ответил он.

Думаю, что большинство из нас, как и автор этих строк, впервые услышали из уст генерала Морозова, фамилию "Блок", а кто он - не знали. Это, конечно, характерно, для определения кругозора нас, строевого офицерства и ученаго и просвещенного генерала Морозова, которым он, безусловно, был.

Я описываю только живые картинки, не вдаваясь в разсуждения, оставляя оценку генерала Морозова читателю. Но, проведя с ним месяцы неволи - все прониклись к нему уважением и уже не осуждали его "в предательстве" по капитуляции Кубанской Армии.

В МОСКВЕ. ПЛАЧЬ КУБАНЬ О СЫНАХ СВОИХ . . . .

В Москву прибыли днем. Наши два вагона опять поставили где-то на многочисленных путях товарной станции. Кто-то узнал, что на этой же станции стоят три состава поездов с Кубанскими офицерами. Новость была исключительная и многие из нас бросились отыскать их и узнать - что на Кубани? И мы скоро нашли их.

Три длинных состава товарных поездов стояли рядом, параллельно один к другому. Между двумя из них находилась широкая погрузочная площадь для грузовых автомобилей, почему - когда мы попали на эту площадь - нас увидели многие из своих вагонов. Половина составов вагонов, вперемежку, были с открытыми платформами, усеянных казачьими папахами... Мы были так же в папах, нас узнали друзья и сослуживцы и немедленно же окружили. Радости встречи было много. Коротко рассказав о нашей "одиссее", мы, конечно, хотели знать - что происходит на нашей Отчизне-Кубани и как они попали сюда?

Войсковой старшина Иосиф Филиппович Лопатин, бывший Екатеринодарский реалист, окончивший Николаевское кавалерийское училище /в казачьей сотне/ в июле 1914 года, по Турецкому фронту офицер 1-го Таманского полка, полковой адъютант, казак станицы Расшеватской, мой большой друг, человек умный, в присутствии окруживших нас, рассказав:

"Наш лагерь в Екатеринодаре постепенно разгружался. Рядовых казаков отпускали по домам, офицеров куда-то выслали, а специальных войск - сапер и артиллеристов - назначили в красную армию.

В Екатеринодаре красные открыли свое кавалерийское военное училище и всех офицеров, кто был в нашем Военном училище и в Учебном конном дивизионе - назначили туда инструкторами. Не на командные должности, а инструкторами. Одели нас, даже, в свою форму, "с черными шашками" - рассказывает Лопатин.

"Жили мы на частных квартирах. Жилось хорошо. Нас не притесняли. Училище помещалось в здании нашего Мариинского Института. Вдруг десант из Крыма. Все перевернулось. А тут из гор показался генерал Фостиков. Немедленное распоряжение - всем офицерам, военным чиновникам /будь они и в отставке/ и юнкерам - прибыть в управления своего Отдельского комисариата для регистрации. О десанте в станицах, конечно, ничего не знали и каждый явился запросто. Прибывших немедленно же оцепили войска Чека, доставили на приготовленные поезда и вот мы здесь. А с нас, инструкторов, сняли казенную форму, приказали одеть свою и присоединили ко всем. Маль Безладного... его разстреляли. Он же ведь был командиром Корниловского полка!" - добавил он.

"Разстреляли еще есаулу Бориса Ногайца и хорунжаго Анатолия Косякина. Технический батальон был полностью зачислен на службу и на Черноморском побережье зарывал павших лошадей и калмыцкий свот. Какие-то "зеленые" обстреляли их на работе и совершенно случайно был убит командир их батальона, полковник /он назвал фамилию, которую я забыл/.

На одной открытой платформе вагона сидит густая группа пожилых офицеров в крупных папахах.

"А это кто, Филиппыч?" - спрашиваю Лопатина.

"В шинеле - генералнаго штаба генерал Диденко, бывший начальник Кубанского военного училища... рядом с ним полковник Ермоленко, его помощник, а левее - есаул Вербицкий, училищный казначей. А вон и Менья Демьяник, нашего Учебного конного дивизиона есаул. Все мы одновременно, и войсковой старшина Безладнов, были инструкторами в кавалерийской школе", поясняет словоохотливый мой друг. Всех их я знал лично по Екатеринодару.

Рядом с генералом Диденко сидел неизвестный мне пожилой офицер, также в крупной папахе. Спросил Лопатина и о нем - кто он? И узнал - то был полковник Скороходов, начальник Кубанской артиллерии, родом Терский казак.

Как могли офицеры в таких больших чинах и должностях остаться "на берегу" - мне было непонятно тогда /?!/....

Мы, "морозовцы", голодны.

"Дайте хоть кусочек сала, нашего Кубанского?" - прошу их.

"Да мы сами голодные!.. все мы прибыли на регистрацию на легке, думали, что после регистрации нас отпустят по домам... прибыли в чем попало и в одежде, не захватив ничего теплого, а не только что взять с собою продукты... в дороге вот уж три недели и сами голодаем", ответили. "И, даже, не знаем - куда нас отправляют?... Вчера, по этой платформе, проходил с женою генерал Брусиллов. Маленький, сухой старичек в штатском. Такая и жена его. Наши старшие обратились к нему с просьбой похлопотать о нас и узнать - куда нас отправляют?... но он ответил, что в этом вопросе его персона совершенно беспомощна. А жена, держа его под-руку, все время плакала" - закончил Лопатин.

Мои станичники, сотники - Вася Боярский, Гриня Белоусов /оба станичные учителя в прошлом/, братья Сотниковы - просят навестить их "станичный вагон".

Я там. В нем глубокие старики, бывшие в отставке уже тогда, когда я, 20 лет тому назад, 7-летним мальчиком поступил в станичное 2-х классное училище - войсковой старшина Ламанов, соратник генерала Скобелева и чине хорунжаго, наш полковой историк; военный чиновник с 2-мя просветами Слепу-

хин, оба дряхлые старики, немогушие ни выйти ни влезть в свой вагон... Тут-же еще бодрый телом Гавриил Герахимови Булдыгин, вахмистр Конвой Императора Александра 2-го, долгий Атаман станицы, получивший чин хорунжаго в 1919 году.

"Надо было драться до конца!" - строго сказал он мне, старейший казак нашей станицы; мне, от его слов, стало стыдно...

В углу, у окна на верхних нарах, как запуганный кролик, сидит старший сын фельдшера Недай-Каша, очень красивый стройный мальчик в станице, млад-меня годами лет на пять.

"А тебя почему сюда загнали? - удивленно спросил его.

"Не знаю-у"... тихо, мягко отвечает мне этот красивенький черноглазый 22-х летний казак, похожий на мальчика. "Я был старшим писарем в Отделе, а потом произвели в военные чиновники... ну так за это"... печально добавил он, старший сын очень бедных родителей.

Судьба их ужасна. Все эти шесть тысяч Кубанской Войсковой чиновной среды, в этом же году, погибнут на Северный Двине. С них скажется сдоевременно, в хронологическом порядке "нашей одиссее". Это было - как кровавая дань Войска Кубанскаго, за неудачный десант из Крыма.

Плачь Кубань о сынах своих!

ДЕССАНТ НА КУБАНЬ ИЗ КРЫМА В АВГУСТЕ 1920 года.

Его можно было только приветствовать. Казачье население Кубани, безусловно, ждало кого-бы то ни было, для своего освобождения.

Я не буду останавливаться здесь на том, что - когда пали все Белые фронты - вооруженная борьба против красной Всероссийской армии, остатков нашей Белой, и немногочисленной армии Юга, была бесплодна. Тогда я так не думал. Но почему десант не удался - приведем описание самого Главного-мандающего генерала Врангеля, т.к. надо полагать, что рядовое Кубанское казачество мало знакомо с этой операцией, которое описано в издании "БЕЛОЕ ДЕЛО", том 6-й. В нем генерал Врангель пишет:

"Во главе десантного отряда был поставлен генерал Улагай. Заменить его было неким. Пользуясь широким обаянием среди казаков, генерал Улагай один мог с успехом "объявить сполох", поднять казачество и повести его за собою. За ним должны, казалось, пойти все. Отличный кавалерийский начальник разбирающийся в обстановке, смелый и решительный - он, во главе казачьей конницы, мог творить чудеса.

Я знал его отрицательные свойства: - отсутствие способности к организации и свойства легко переходить от большого подема к унынию.

Ему необходимо было прицать твердаго и знающаго начальника штаба. Организованный штаб генерала Улагая, помимо своей громоздкости, производил впечатление неорганизованнаго, собраннаго, видимо, из случайных людей, между собою ни чем не спаянных. Громадный тыл нименуемо должен был обременить войска.

Намеченый десант на Кубань не мог остаться в тайне. О нем знал Кубанский Атаман /В.Н. Иванис, Ф.Е./, от него узнали члены Кубанскаго Правительства и Рады. Молва о том, что "идем на Кубань" облетела все тылы и докатилось до фронта. Распространяемый /моим/ штабом сведениями о том, что десант намечается в районе Таганрога, для помощи полковнику Назарову - никто не верил.

Огромное число беженцев-кубанцев потянулось за войсками. Теснота при посадке 29 июля ст. стили была невероятная. По донесениям генерала Назаровича, мальчишки-юнкора падали в обморок от духоты.

По данным флота, было погружено 16 тысяч человек, 4.500 коней, при общей численности войск в 5 тысяч пехотинцев и пашек. Все остальные составляли тыловые части и беженцы. Менять что-либо было уже поздно.

Я обехал пароходы, говорил с войсками и затем пригласил начальника группы генерала Улагая - еще раз подтвердил ему данные и указания:

"База отряда - Кубань. Оглядывания на корабли быть не должно. Всемерно избегать дробления сил. Только решительное движение вперед обеспечит успех. Малейшее промедление Вас погубит". /Справка - стр.138 и 139/.

Дальше генерал Врангель пишет: - "5-го августа, заняв станицы - Поповичевскую, Тимашовскую и Брюховецкую - дальше наши части не продвигались. Нельзя было терять ни одного дня; каждый лишний день давал противнику возможность подвести свежие войска. Между тем, генерал Улагай в течение 6, 7 и 8-го августа, продолжал стоять на месте. Неудача всей задуманной операции уже определенно обозначилась. Необходимое условие успеха "внезапность", была уже утеряна; инициатива выпущена из рук и сама вера в успех у начальника отряда поколебалась.

Но всему этому - генерал Улагай окончательно разсорился со своим начальником штаба отряда генералом Драценко и отстранил его от дела. Об этом знали войска.

Упустив момент внезапности - генерал Улагай дал возможность красным сосредоточиться и потеснить его на всех пунктах. Смело, храбро, настырно работал генерал Бабиев со своей Кубанской дивизией, но - сила взяла верх. 17-го августа, наши части стали грузиться у Ачуева /на Азовском море, Ф.Е./. Справка, стр.152,153,155 и 157.

О неудаче десанта на Кубань, генерал Врангель продолжает пояснять:

"Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно, сотни раз, я задавал себе вопрос - не я-ли виновник происшедшего? Все-ли было предусмотрено? Верен-ли был расчет?"

Но вместе с тем, в происшедшем была значительная доля и моей вины. Я знал генерала Улагая, знал и положительные и отрицательные свойства его.

Назначив ему начальником штаба неизвестного мне генерала Драценка - я должен был сам вникнуть в подробности разработки и подготовки операции. Я поручил это генералу Шатилову, который, сам будучи очень занят - уделил этому недостаточно времени.

Я жестоко винил себя, не находя себе оправдания. - /Стр.163/. Свое поведение генерал Врангель заканчивает похвалой Кубани следующими словами:

"Единственно, что дал нам десант - это значительное пополнение десантного отряда людьми и лошадьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятками тысячами. Это число не только что покрывало тяжелые потери последних дней на северном фронте /т.е. в Таврии, Ф.Е./, но и давало значительный излишек" /Справка: там-же на стр.163/.

Вывод: - Даже при неудачном десанте, занявший незначительное число станиц в северо-западном уголку Кубани, он пополнился казаками вдвое больше, чем был сам десант. Он был, как-бы походом "за живую силу". Но ровно три месяца тому назад, у Адлера, была оставлена Кубанская армия около 40 тысяч численностью той-же Ставкой из Крыма....

Никто не описал - какова была расправа красных по станицам, по уходе десанта? Но вот эти, 6 тысяч офицеров и военных чиновников Кубанского Войска, с которыми мы встретились в Москве и разстрелянных в том-же году на Северной Двине - являлись первыми жертвами.

Кубань, наше Кубанское казачье Войско, захлестнулось и еще слезами шести тысяч вдов!...а сколько после них осталось сирот - мы теперь и НЕ УЗНАЕМ.

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА СО СВОИМИ...

Нашу группу поместили в Астраханских казармах, находящихся за речкой Яузой.

Мы попали в исключительно северную обстановку. Фактически, это был лагерь для дезертиров из красной армии, в казармах старой армии. какого-то полка.

Большой двор выслан круговыми булыжниками. Каменная стена до пояса, выше железная решетка. Все прочно, хорошо, нормальная "горожа", но теперь она вся сплетена колючей проволокой. У калитку часовой с винтовкой. Пропуск и впуск кого бы то ни было - только по запискам.

Казармы. Их много. Все они неприветливо окрашены в красный цвет давно, который стал грязным. В них двойные нары. На них грязные матрацы и подушки, в которых солома стала "трухой" от давности набивки их. Но и на двойных нарах теснота исключительная. Вонь и грязь - грязь и вонь. Их, кажется, никто не подметает и не убирает мусор. Об умывальной и уборных - лучше не писать. Здесь несколько тысяч дезертиров. Как отдельными "оазисами", в них размещены офицеры Колчаковской армии, которые предназначены пройти науки на "военно-политических курсах" здесь в Москве и потом будут отправлены на фронт, т.к. Польская армия успешно наступает, берет город за городом и надо "защищать Отечество". Сказываются, нас так же вызвали сюда для этого, но мы только предназначены, являемся пока "кандидатами" для поступления. Пленных Колчаковских офицеров много. Многие уже "прошли курсы", отправлены на фронт и из-за недостатка офицеров в красной армии - некоторые получили хорошие строевые должности, выше тех, кои они занимали в Сибирских армиях.

На наше удивление - большинство из них стремилось как можно скорее попасть на курсы, т.к. там хорошо кормят, т.е. дают настоящий солдатский паек, а дальше - "что будет". Сред них очень мало было штаб-офицеров. Если у них не было энтузиазма служить в красной армии для защиты Отечества, то и не было духовного протеста. Они были, как-бы, в заболевшем своем Отечестве, а мы - из разоренного Казачьего гнезда.

На удивление - здесь мы встретились со своими-же офицерами Войска, которых, из Бутырской тюрьмы, вместе с Колчаковцами, поместили в эти казармы, так-же, как кандидатов на военно-политические курсы. Вот они, наши кровные:

1. Генерал-майор Абашкин - Атаман Баталпашинского Отдела, бывший штаб-офицер 1-го Лабинского полка Великой войны на Турецком фронте.

2. Генерал-майор Косинов, Георгий Яковлевич, казак станицы Ладожской, старый Екатеринодарец, так известный на Кубани. - В месяцы революции командир нашего 1-го Кавказского полка. Первопоходник. При капитуляции армии начальник, кажется, 1-й Кубанской дивизии.

3. Полковник Калугин, Степан Егоров., казак ст. Ладожской. Наш старейший Кавказец, выпускник из Ставропольского казачьего юнкерского училища при Императоре Александре 3-м, когда выпускались с чином подхорунжого. Образцовый офицер полка со дня выпуска из юнкерского училища - бесменно в том же своем 1-м Кавказском полку в Закаспийской области. Летом, под Царицыным командуя своим 1-м Кавказским полком - потерял один глаз, в бою задетый пулей. Отец трех сыновей, кадет Владикавказского корпуса.

4. Полковник Пучков, Александр Павлович, казак ст. Николаевской Лабинского Отдела, нам старый Кавказец. На Великую войну вышел старым подесаулом и командиром сотни, закончив в чине войскового старшины и помощника командира полка. В гражданской войне служил в тылу.

5. Полковник Авильцев, Владимир Николаевич, казак ст. Каладжинской Лабинского Отдела. Ставропольского юнкерского училища. Наш старый Кавказец. На Великую войну вышел старым подесаулом, полковым казначеем, окончив ее в чине есаула и командира сотни. В гражданской войне служил в тылу.

6. Полковник Удовенко, Михаил Иванович, казак ст. Баталпашинской, родной брат адютанта 1-го Екатеринодарского полка мирного времени сотника Василия Ивановича, убитого в бою под ст. Курганной в 1918г. в чине есаула и полкового адютанта Корниловского конного полка.

Наш старый Кавказец, выпуска из казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, кажется, 1902-го года. Полковой адютант. На Великую войну вышел подесаулом и старшим адютантом штаба Отдельной Закаспийской казачьей бригады, которым оставался после развернутой в 5-ю Кавказскую казачью дивизию. Умный, популярный и всесильный был адютант при добром начальнике генерале Николаеве и при часто меняющихся начальниках штаба - капитан Сычев, подполковник Шумилин /оба Донские казаки/ и генерал Певнев, которых он заменял после ухода. Гражданскую войну провел в тылу.

7. Полковник Гридин, Иван Никифорович, казак ст. Ново-Донецкой Кавказского Отдела. Окончил пехотное училище в Москве. Полковой наш адютант в мирное время 1-го Кавказского полка - умный, корректный, отличный канцелярский работник. На Великую войну вышел сотником. В начале 1915г. отозван в Войско для формирования новой Сводно-Кубанской дивизии, которая потом оперировала в Персии. Дальнейшая служба его мне не известна.

8. Полковник Штригель, бывший воспитатель Владикавказского кадетского корпуса, потом командир 3-яго Линейного полка в месяцы революции в Финляндии, в нашей 5-й Кавказской казачьей дивизии.

9. Полковник Березовский, Константин Георгиевич. Артиллерист. Служба его мне неизвестна.

10. Полковник Безладнов, артиллерист.

11. Полковник Черник.

12. Полковник Шепель. Эти три полковника возрастом под 45 лет, мне не известны по службе и каких они станиц, т.к. держались осторожно и мало с кем входили в общение. Все они кадровые офицеры, артиллеристы.

13. Полковник Капуста, старый офицер 1-го Таманского полка. Высокий, сухой, немощный, заросший волосами на голове, ни с кем не разговаривающий - в нем ничего не осталось от офицерского.

14. Войсковой Старшина Горбачев, в 1914-м году сотник и полковой адютант 2-го Черноморского льготного полка, с которым и познакомился тогда. Высокий крупный блондин, компанейский офицер, отличный хоровой певец-бас.

15. Полковник Дьячков, Михаил Иванович, бывший воспитатель Тифлисского кадетского корпуса, известный инструктор гимнастики. Не казак. Служил в Азарбеджановской армии.

Это все старые офицеры. О молодых узнаю по мере развертывающихся событий с нами, в "нашей одиссее".

Н О В А Я   А Н К Е Т А . . . .

На 2-й или 3-тий день, нам, "морзовцам", приказано явиться в штаб Московского военного Округа для регистрации. Мы там. К нашему удивлению увидели, что в нем все должности занимают бывшие офицеры. Все они одеты в гимнастерки или кители, с остатками швов от погон на плечах. Приняли любезно, чисто по-офицерски. На наши короткие вопросы ответили, что они в большинстве москвичи и автоматически остались на своих местах, т.к. "надо существовать и содержать семью". И нам - полное сочувствие.

Нам вручили новые анкеты, только "для военных", с точным указанием полученного гражданского и военного образования, прохождения службы, чины и должности до октябрьского переворота 1917 года. Дальнейшая служба, должности и чины, полученные в гражданской войне - их не интересовало, т.е. - штаб Московского красного военного Округа не интересовала наша служба в Белой армии. Все мы были превращены в тех, коими были до октября 1917 года. Я стал подесаулом и командиром сотни /бывшим/.

И объявили - что мы зачислены кандидатами на военно-политические курсы, после прохождения которых будем отправлены на Польский фронт "для защиты Отечества". . . . О предназначении нашей роты в отношении защиты красного отечества - потом мы острили и весело смеялись, т.к. защищать "это отечество", мы совершенно не собирались.

Еще объявили нам, что мы совершенно свободны и "до очереди на курсы" можем заниматься чем кто хочет, но жить в казармах и на выход со двора, каждый раз, иметь письменный пропуск от комиссара казарм.

При регистрации мы обнаружили, что среди нас нет Корниловцев, войсковых старшин Трубачева и Лебедева и командира Полтавской бригады полковника Борисова. Они бежали.

После падения Крыма, к нам в Екатеринбург прибыла оттуда супруга полковника Дударя, которая рассказала, что Борисов пробрался в Крым и доложил генералу Врангелю о нас. По слухам, Трубачев и Лебедев бежали на Кубань. Судьба их неизвестна.

О полковнике Борисове. К нему, в Кострому, прибыла жена и свояченица-барышня. Они часто приходили к нам по-вечерам, когда мы жили уж в казармах. Жили же в гостиннице. С нами же ехали и в Москву. Борисов родом не казак. Видимо, жена и свояченица, достали для него соответствующий документ и они устремились на юг и достигли своей цели. К нашим семейным с Кубани никто не приезжал. Знакомств здесь никаких не было. Нет и денег. Мы были, как бы в иностранном государстве, "безпаспортные" и наш костюм был "полуазиатский". Куда же и как бежать?!. . . И каждый из нас отдался течению событий.

Н А Ш А   Ж И З Н Ь   В   М О С К В Е .

Один "государственный гараж" запросил группу рабочих для разчищения своего двора. Нам приказано сделать из нашей группы, человек в 25. Утром подали грузовик. И мы "несемся" по Москве - мимо Симоновского монастыря, мимо Кремля, через Театральную площадь на Тверскую улицу и дальше куда-то. . . . Москву многие из нас совершенно не знают и впервые здесь, в Белокаменной. Мы все в папахах, загорелые, обветренные, в сильно поношенных защитных гимнастерках, кителях, бешметах. Грузовик движется быстро. Мы все стоим на ногах, держась друг за друга и за борта грузовика. Мы все веселы, мы смеемся, мы хохочем на всякую остроту кого-либо из нас, и все поворачиваем головы в ту сторону, если кто увидит и скажет о встретившейся "дивовинке" по пути, в столице красной. . . . Москва показалась нам серой и грязной. Движение на улицах слабое. Идушие люди сумрачные и совершенно не обращают на нас никакого внимания.

Мы проезжаем Триумфальную арку у Варшавского вокзала и везем на Петровское шоссе. Знаатоки Москвы показывают нам на знаменитый ресторан "Ар", где веселились богатеи с цыганским хором и цыганскими плясками и мы все молча, поворачиваем головы вправо. Теперь он был закрыт.

Петровское шоссе величественное. Вот и знаменитая Ходынка. Мы всматриваемся в поле, словно ищя следы той исторической катастрофы при коронации Императора НИКОЛАЯ 2-го, но - оно тихо и пустынно. И только вдали чуть видны палатки красноармейцев и слышатся звуки сигнальной пехотной трубы.

С шумом, с гамом, с грохотом своего большого грузовика, мы везем, спустились, в какой-то двор, полный разного мусора и поломок. Рабочие толпой высыпали на землю. Из конторы вышел чистенький молодой человек лет 25-ти интеллигентного вида, в макинтоше. Старший над нами Хоранов немедленно же представил ему, сказав, что он генерал а его рабочие - пленные офицеры белой армии.

Молодой человек смутился, пожал Хоранову руку и подошел к нам. Застенчиво и очень сердечно, он сказал, что работа у него грязная и он не знает - подойдет-ли она нам? Но она платная, добавил он, начальник гаража.

Группа рабочих человек в 20, стоявшая тут-же, с интересом рассматривала нашу "экзотическую группу казаков, белых офицеров, с погибельного Кавказа" и мы не заметили в их глазах недоброжелания к нам, а скорее - любопытство.

Полковник Хоменко, признанный во всем авторитет среди нас, боясь, что если мы не получим работы, то не получим и заработка при нашем безденежье - быстро спросил:

"Какова работа?"

"Да вот, надо убрать мусор... и перенести поломку отсюда и досюда", смущенно отвечает начальник государственного гаража.

"Ну что, господа, беремся?" авторитетно окинув нас глазом, спросил он

"Канешна-а"... почти разом ответили мы все. И мы принялись за работу - быстро, сноровисто, словно команда солдат.

Наша работа понравилась "начальнику государственного гаража" и он обещал дать еще работу на несколько дней. Потом мы ездили с некоторыми рабочими на том-же камиионе в другие места на работы. У них - никакой злобы к нам. Властью они недовольны и отказались поступить "добровольно" в формируемые отряды для отправки на юг, реквизируют зерно у крестьян.

Каждое утро за нами присылался камиион "на нашу Язу", забирал и вез на работы. Приятно было покидать наши очень неуютные и грязные казармы с тысячами дезертиров красной армии, болтающимися по широкому двору. На работы дезертиров не брали, как ненадежный элемент.

"Я все равно убегу!... я няхачу служить у красной армии!" - кричит во все горло по двору здоровенный крупный парняга лет 25-ти. Никто его не останавливает в этом и его слова-выкрики - нам нравятся... как характерное настроение многих красноармейцев.

Начальник гаража предложил поработать в доме его матери "пилить дрова", но только четверем человекам, и в течении одного дня. Обещал заплатить и накормить.

Мы там, на Садовой улице - Хоменко, Храмов, брат и я. Его мать, жена и сестра живут на 6-м этаже. Весь их корридор завален березовыми бревнами в одну сажень длины и в полторы четверти толщины. Их надо снести вниз, распилить по одному аршину длиной и расколоть "на швырки" для отопления квартиры, поднять все это вновь на верх и сложить в комнатах. Дрова в Москве очень дороги, а березовые в особенности. Их покупают, воруют и держат в жилых комнатах. Все это было для нас, и странно и непонятно.

За дело мы взялись ретиво. Хоменко и брат пилят, а я с Ваней Храмовым, "колем на швырки" и вязанками, по узкой лестнице, носим на 6-й этаж. Внеся, по указанию хозяйки, матери, аккуратно складываем в ванной комнате, под кроватями и под всеми уголками небольшой квартиры. Все три женщины - мать, дочка и сноха очень внимательны к нам, хвалят нас с Храмовым за ловкость и физическую силу. Да и действительно - вязанки дров на спине доставлять на 6-й этаж было очень тяжело. Работаем до пота и думаем - чем же они нас накормят?

Кто мы? - они знали от сына. И вот - зовут на обед. В столовой накрыт стои белая скатерть и с салфетками. "Для себя" - думаем мы.

"Ну, садитесь, господа... вот сюда... располагайтесь там, кто где хочет", говорит мать, интеллигентная женщина лет около 50-ти, и жестом показывает на стол.

Спокойно, не торопясь, сели. Нам подают вкусный суп, по хорошему куску белого хлеба, немного мяса, а на второе - гречневую кашу, заправленную коровьим маслом. Мы ели и свое восхищение вкусным обедом выражали между собой "ногами под столом"...

Накормили нас вдоволь. Потом дали чай с сахарином и тут повели разговоры уж, после нашей еды. Какие?... Да очень сожалели что мы /Белая армия/ не дошли до Москвы... "и пожалуйста - может быть Вы еще войдете к нам с генералом Врангелем - Вы уж тогда пощадите нас, евреев", говорит мать.

Только из ее слов, мы узнали, что семья еврейская. С этого дня и началась "наша карьера" по пилке дров в частных квартирах.

Тут-же "заговорил" телефон куда-то и получился ответ: - "Пожалуйста, пришлите их к нам?" И мы получили адрес работы.

На 2-й день мы вошли в какой-то обширный двор-площадь и находим квартиру по указанному адресу. Молодая, очень красивая и стройная женщина, дает нам ту-же работу. Ее квартира и дрова находятся в нижнем этаже. Осмотрев все - охотно принялись за работу. Хозяйка, буд-то, стесняется нас и ушла во внутрь квартиры. Мы весело работаем и перекидываемся фразами - "а чем она накормит нас, эта красавица?".

Пришло время обеда и наша хозяйка пришла к нам во двор. Она извиняется, что обедать мы будем в кухне. Мы ничего не имеем против этого, перекинувшись между собой словами, что - "да на кухне, может быть, будет еще лучше для нас?... главное - чем она накормит? При такой красивой женщине нам неловко будет "есть-глотать" пищу голодному-рабочему. И на кухне нам дает она суп, белый хлеб, немного мяса и гречневую кашу, заправленную коровьим маслом.

Мы в восторге. После работы вновь весело работаем. А хозяйка, выкатив в барской коляске свое дитя - сама села в глубокое кресло погреться и понежиться на солнушке.

Заплатила она нам хорошо. Звонит куда-то и дает новый адрес работы, на Козинском переулке. Оттуда запрашивают - "почем мы берем от пажени?" Отвечаем - "нам важна еда, а дальше - сколько дадут".

Идем по новому адресу. Проходим памятник Пушкину на Садовой улице. Останавливаемся, разсматриваем его и читаем надпись:

"И памятник воздвиг себе нерукотворный,
И ему незаростет народная тропа... И памятник и надпись величественны; рассмотрели, прочитали и пошли дальше, искать Козинский переулок, где нас ждет работа и, возможно, хороший обед. Нам было не до "тропы" Пушкина.

Проходим какой-то переулок и читаем надпись на углу - "Казачий переулок"... Приятно было прочитать это, в красной Москве, но почему он такой узенький и не особенно чистый? - думаем мы. Даже стало досадно за свое Казачье имя, увидя его таким невзрачным.

Дверь квартиры нового нашего "работодателя" выходит прямо на Козинский переулок. Нас любезно встречает высокий стройный брюнет лет 35-40. Он извиняется, что пригласил нас на работу, т.к. теперь рабочих достать невозможно и они очень дороги. Тут-же ругает красную власть. Он не богат, но встречается и говорит с нами ласковее предыдущих. Работаем внизу, легко, не надо носить дроваа вверх.

К обеду приходит жена со службы - веселая, любезная. Она накрывает стол и просит нас садиться вместе с ними. Обед был особенно сытный и время прошло в живых разговорах и островах над красною властью.

"А знаете у кого Вы вчера работали? - спросил он. У кого мы работали и работаем - нам все равно, лишь бы хорошо нас накормили и дали бы некоторый заработок - ответили мы. Но он не остановился и сказал:

"То была еврейка, жена одного из секретарей всемогущего Троцкого" и так как он сам еврей, то и все знает. Мы улыбнулись на это.

Нам он понравился и мы решили денег с него не брать, так хорошо нас принявший и два раза так сытно накормивший. Но куда там! Как казначей группы, при всех, он насильно вложил в карман несколько бумажек советских денег.

"СУББОТНИК" ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ. . .

Пилка дров окончена. Спроса больше нет. Но без работы быть, и скучно и голодно. Узнали, что на одном из товарных вокзалов надо складывать дрова "в сажени". Идем туда. Громадная площадь завалена бревнами. Их сбрасывают с вагонов как попало. Бревна надо извлекать и складывать в порядок. Работа исключительно трудная. Проработав немного - все отказались продолжать ее, но мы с Храмовым остались, как более молодые и сильные. Хоменко и брат пошли на разведку более подходящей работы. Храмов нервный, злой. У него в станице Муравской осталась жена и 5-летняя дочка, коих он очень любил. Я холост, мне легче переносить горе. Слышим приближающийся оркестр. Остановились и видим - к нам весело идет какая-то пехотная часть без винтовок. Подошла, остановилась. Оркестр прекратил свою игру.

"А теперь за работу!" громко прикрикивает командир, здоровый парнище лет 30-ти. Сломав ряды, красноармейцы с гамом устремились к наваленным бревнам. Мы стоим и с удивлением смотрим на них. Командир берет бревно прямо на плечо и несет его наравне с солдатами, которые берут бревна по-двое. Его "комсостав", чисто одетые во все защитное молодые и интеллигентные люди, беспомощно возятся у бревен. Когда-же их командир взял второе бревно - некоторые из них подкрались к нему и положили несколько кирпичей на задний конец, чего он не видит. Бревно стало перевешивать, он его поправляет, кирпичи падают на землю, он бросает все на землю, видит смеющихся возле и догадывается о шутке их, сам смеется. Работа продолжается. Оркестр все время играет вальсы. Мы впервые видим подобную военную причуду. От солдат узнаем, что это есть обязательный военный субботник; их командир полка бывший матрос, а остальные начальники - бывшие офицеры в небольших чинах. Они явно - заискивали перед своим командиром-матросом, шутками.

По недосмотру - одно бревно свалилось и на смерть убило одного красноармейца. Проработав чуть больше часа времени - полк с оркестром и убитым человеком двинулись назад, в город.

НАШИ "на курсах". . . ЧЛЕНЫ РАДЫ.

Польская армия успешно наступала, войдя в пределы России. В красной России мобилизация всех сил. По недохватку командного состава в красной армии - военно-политические курсы в Москве для пленных офицеров Белых армий, с двух-месячного срока, сокращены до 3-х недельного. На очередной срок курсов берут только офицеров специальных родов оружия: - генерального штаба, артиллеристов, сапер. Инструкторами в красные военные училища -

-освободив их из тюрем-

призвали всех офицеров, кто служил в военных училищах Императорской Армии. И вот, иронией судьбы, из нашей группы старших офицеров Кубанской Армии, были зачислены следующие: - генеральнаго штаба генерал Морозов, подковник Михаил Иванович Земцев и ускореннаго курса Великой войне, причисленный к генеральному штабу, войсковой старшина Петро Войко, пластун; артиллеристы - полковник Кочергин, братья-полковники Сергей и Константин Певневы и войсковой старшина Березлев. С Морозовым принят был и его адъютант, штабс-капитан москвич.

К нашему удивлению и огорчению - по прибытию нас в Москву из Костромы - немедленно был арестован генеральнаго штаба полковник Андрей Минович Бойко, наш природный казак Лабинскаго Отдела и препровожден в Бутырскую тюрьму. Причина ареста - некоторое время он был начальником штаба всех войск, находившимися /отоседшими/ на Черноморском Побережье в марте-апреле месяцах, когда ими командовал генерал Шкуро. Это была наша Кубанская армия и 4-й Донской конный корпус. В те месяцы командующий Кубанской армией жил в Крыму, шли какие-то переговоры Атамана Букретова с Крымом генерала Врангеля. Командующий армией генерал Улагай приезжал и уезжал вновь в Крым от Букретова к Врангелю и от Врангеля к Букретову... и в этом запутанном клубке взаимоотношений, до его развязки - Атаман Букретов, в 20х числах марта месяца, назначил генерала Шкуро Командующим войсками всех частей здесь, коим он и был до 15-го апреля. Вот за это и был арестован Бойко. С ним я спал рядом на нарах в Костроме и он, молчаливый замкнутый человек, все-же, кое-что рассказывал мне о тех днях. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Были призваны на курсы и Члены Кубанской Рады, кто имел офицерские чины. Как-то странно вела себя с ними красная власть.

Как писал раньше - из Туапсе, в 2-х товарных вагонах, их, около 80-ти человек, немедленно же изолировали от казаков и отправили в Екатеринодар. Там их задержали недолго и отправили в Москву, сопроводив их туда отправку злым насмешливым стихотворением, помещенном в одной из красных газет Екатеринодара. Озаглавлено стихотворение было такое:

"ОСИНОВЫЙ КОЛ ВБИТ В КУБАНСКУЮ КРАЕВУЮ РАДУ".

Узнав, что Члены Рады проживают в Москве - мы заинтересовались и пошли к ним. К нашему удивлению они жили совершенно свободно. Их поместили в каком-то очень благоустроенном здании, возможно это было учебное заведение. Широкая длинная светлая зала; для каждого железная кровать с НЕ солдатской постельной принадлежностью - одеяла, простыни, матрацы, подушки. Получали и достаточный паек для питания. Они были, словно, почетные пленники и жили только своею личною жизнью. Ничего утешительнаго они нам сказать не могли, т.к. сами были в неведении, как не могли и знать - что будет с ними дальше. С ними жил и генерал Морозов.

Мы застали там только что прибывшаго с Кубани Члена Рады сотника Мажара. Его отпустила туда власть по каким-то его семейным обстоятельствам. Мажара - красочный Черноморский казак. Высокий, стройный, с пышными черными усами "козачина" лет 40. Он с юмором рассказывает: - "Во время десанта из Крыма, красные без боя бежали из станицы Муравской, но белые казаки не вошли. Красный конный раз, езд подошел к крайнему двору и спрашивает старого казака загадочно, испытывающе:

"Где помещается ревком станицы?" - т.е. революционный комитет.

"Рябко /ревком/ утік, а Білко щэ ны прийшов"... "Рябко" - в станицах давали кличку рябому кобелю, а "Білко" - кобелю белой шерсти. В данном случае старый казак очень удачно сказал, сравнив станичный "ревком" с рябым кобелем... Но красный начальник "ничего" не понял из этого ответа.

Мы все весело смеялись. /Продолжение следует/.

Июнь 1964г. Нью-Йорк.

Полковник Елизеев.